

АЛЕКСАНДР СИБИРЦЕВ: ЛЕГЕНДА РОССИЙСКОЙ ОПЕРЫ

текст Анатолий Семёнов
фото из личного архива А.С. Сибирцева

11 ноября 2019 года на сцене Бетховенского зала Большого театра России состоялась торжественная церемония вручения премии «Легенда». Эта престижнейшая награда учреждена в 2016 году Ассоциацией музыкальных театров России, её удостоиваются выдающиеся деятели искусства. Среди награждённых – имя, хорошо знакомое многим поклонникам оперного искусства. Этот уникальный человек немало сделал и для Самарской губернии – после того как в 1993 году возглавил наш Академический театр оперы и балета. В молодые годы в качестве солиста прославленного Ансамбля имени Александрова он проехал всю Сибирь и Дальний Восток, дав более 260 концертов. Уже став оперным певцом, выступал в Венгрии, Болгарии, Монголии, Чехословакии, на Мальте. В Англии он провёл месяц, а в Канаде – полтора. В Германии пел в «Трубадуре», а в Польше был удостоен звания заслуженного деятеля искусств Республики Польши. Начав трудовую деятельность в конце 1950 года на заводе в качестве ученика токаря, впоследствии он стал одним из самых влиятельных деятелей отечественной оперной сцены. 2 августа 2020 года народному артисту России, лауреату Государственной премии РФ имени М.И. Глинки Александру Сергеевичу Сибирцеву исполнилось 85 лет! От всей души поздравляем его с этой славной датой и публикуем статью, материал для которой получен во время наших эксклюзивных бесед в Самаре и Москве.

ДЕТСТВО ГЕРОЯ

Мы с Александром Сергеевичем на короткой ноге уже много лет, поэтому наш разговор стартует безо всяких прелюдий. Зато от самых корней. «Так случилось, что отца моего Гражданская война занесла в Крым, где в 1925 году родился мой старший брат Владимир, в 1935-м на свет появился и я. В Симферополе. Мне не исполнилось и шести лет, когда началась война, поэтому довелось пережить очень многое. Нас бомбили. Я умирал от дизентерии и практически считался обречённым. Однако нашлись добрые люди, и каким-то чудом мне посчастливилось выжить. Естественно, в ту пору дети были предоставлены сами себе. И в 1942 году случилась просто невероятная история. Мы с приятелем решили внести свой весомый вклад в борьбу с ненавистным врагом. Короче говоря, запланировали поджог немецкого склада с горючим. Ну не идиоты!?! Мы бы там первыми и сгорели! Слава Богу, что всё закончилось неудачей. А то вдобавок сгорел бы и целый жилой квартал с нашими людьми. Сами немцы в это время были на обеде. Ведь у них всегда жёсткое расписание – они просто бросали всё и уходили. К счастью, бочки оказались с маслами, а не с топливом. Однако какое-то горячее на меня всё-таки попало, и я довольно прилич-

но обгорел. На память об этой «стратегической операции» у меня шрамы остались на всю оставшуюся жизнь.

В немецкой оккупации мы промучились целых два с половиной года. Конечно, тогда не жили, а выживали. Поэтому я решил начать охотиться. Сперва по-детски, с рогаткой. Буквально на всё, что движется, то есть бегаёт и летает. А потом всё шло на костерок. Среди разбомблённых домов мы с мальчишками разводили огонь, над которым на прутиках и жарили нашу незамысловатую добычу. Тем и спасались. Ну а я всегда был прирождённым охотником. Немудрено, ведь по знаку Зодиака я – Лев, а по году – Вепрь. Уже в 12 лет, вскоре после войны, у меня появилось и первое собственное ружьё. Причём охота оставалась моим хобби всю жизнь. А в те голодные послевоенные годы я просто уходил в крымские степи. Добывал там перепелов, зайцев и куропадок. Стрелял «в лёт» любую птицу. Честно говоря, и впоследствии это хобби меня порой немало выручало.

Немного расскажу о моих родных. Мой дед по отцу был купцом и торговал табунами лошадей. А дед по матери вышел из обедневших дворян. И хотя в моей семье не наблюдалось профессиональных музыкантов, но отец Сергей Васильевич Сибирцев прекрасно играл на гитаре. А ещё он обладал красивейшим баритоном. И у моего старшего брата Владимира тоже оказался изумительный голос. Правда, уже яркий тенор. И ещё о брате. Не успела закончиться оккупация, как он умудрился украсть у немцев... автомобиль! Именно на нём они с другом сумели прорваться к нашим на Перекоп. Участвовал Владимир и в штурме Севастополя. А вскоре у нас во дворе уже стояла его артиллерийская батарея. Никогда не забуду, как его сослуживцы угощали нас, изголодавшихся детей войны, американскими колбасными консервами и ещё какими-то продуктами, полученными по ленд-лизу. Помню, что ещё там был консервированный яичный порошок, который мы в шутку называли «яйца Рузвельта» (смеётся). Как выяснилось, он изготавливался из черепашьих яиц. Вот когда ещё я ощутил вкус американского образа жизни – колбаски с яичным порошком!

И ещё о любопытной исторической параллели. Когда отец женился на моей маме Валентине Ивановне Терентьевой, ему было 40, а ей – всего 20 лет! Удивительно, но подобное случилось и со мной. Только через шесть десятилетий. Когда в Перми появились мои дети, мне было 50, а жене – 20 лет. Так что я пошёл даже дальше своего папы. И до сих пор моим оперным ученикам говорю: «Работать надо каждый день, потому что орган развивается функция. А неработающий орган отмирает!» И так со всем в нашей жизни. Когда в прошлом году мне вручали премию «Легенда», я эту формулу в своей речи обнаружил. Потом как-то встречаю коллег из «Теликон Оперы»: «Александр Сергеевич, а ведь Вас уже все цитируют!» (смеётся).

Опера «Пиковая дама». Герман – А. Сибирцев
Государственный академический Большой театр СССР. 1978 г.

Опера «Отелло». Отелло – А. Сибирцев. Пермский академический театр оперы и балета. 1990 г.

ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД

Вот мы с моим героем сидим за кулисами «Новой Оперы», которая уютно расположилась в московском саду «Эрмитаж», и под чаёк продолжаем нашу неторопливую беседу.

«Весной 1957 года в Москве во всю шла подготовка к Международному фестивалю молодёжи и студентов, – вспоминает Александр Сергеевич. – А я тогда только заканчивал первый курс Симферопольского музыкального училища. И вот к нам приезжает знаменитый автор книги об оперных певцах, преподаватель Московской консерватории Иван Карпович Назаренко. Оказывается, тогдашний ректор Александр Васильевич Свешников периодически направлял своих педагогов и профессоров в различные регионы СССР для поиска там наиболее перспективных вокалистов. И вот после прослушивания всех певцов нашего училища я был отобран для представления ректору Свешникову на предмет поступления. Ну, заодно и для участия в предстоящем фестивале. Короче говоря, по вызову ректора приехал я в столицу и успешно сдал вступительные экзамены в Московскую консерваторию...

Ещё участвую на втором курсе, уже исполнил в оперной студии партии Графа и Фигаро в опере Моцарта «Свадьба Фигаро». Для справки: в те годы я ещё пел баритоном. Причём в течение всего трёх лет мне посчастливилось спеть главные партии в семи оперных спектаклях. В том числе, в «Евгении Онегине», «Богеме», «Дуэнье», «Севильском цирюльнике». После окончания консерватории сразу же был принят в аспирантуру. Однако начал учиться заочно, поскольку меня пригласили работать в Горьковский оперный театр. Проработал там один сезон, после чего вернулся в Москву, чтобы закончить аспирантуру. Затем четыре года работы в Краснознаменном ансамбле песни и пляски, что стало альтернативой службы в рядах Советской Армии. Потом последовал почти десятилетний этап, вместивший в себя работу в Московской областной филармонии параллельно со службой в ГИТИСе в качестве старшего преподавателя по вокалу.

А к 1973 году созрело решение перевести свой голос из баритонального в теноровый диапазон. Но для этого необходимо было экстренно набрать соответствующий репертуар. Поэтому, не колеблясь, принял приглашение Пермского оперного театра

на позицию ведущего драматического тенора. Интрига заключалась в том, что до этого я пел лирические баритональные партии, ну а натура-то была драматическая и требовала творческого выхода. Поэтому меня привлекали такие образы, как граф Ричард в «Бале-Маскараде» и Радамес в «Аиде», Герман в «Пиковой даме» и Хозе в «Кармен». Ну и так далее. А вообще, забегая вперед, скажу, что за свою исполнительскую карьеру мне удалось накопить в общей сложности 56 оперных партий: 22 – баритональные, а остальные – теноровые. Ну а в камерном репертуаре – более 600 произведений различных жанров.

Всего через два месяца после поступления в Пермский театр довелось спеть там свой первый премьерный спектакль. Им стал «Дон Карлос». А ещё всего через две недели (!) спел Пинкертон в «Мадам Баттерфляй». И понеслось! Однажды случилось так, что спел Герцога в «Риголетто», а уже через день необходимо было исполнять партию Отелло. И еще через день – выездной спектакль. И снова – Герцог. Нельзя сказать, что это были цирковые номера, но что-то героическое во всём этом, несомненно, наблюдалось. Как говорится, неглиже с отвагой. Человек (то есть я), сам себя не жалея, пел всё, что требовалось его театру. Ведь на тот момент я оказался единственным драматическим тенором в Пермском оперном. Причём меня и в дальнейшем тянуло на подобные партии. Если, скажем, раньше я пел баритоном в «Богеме», то позднее, уже работая в Самаре, в той же опере я спел теноровую партию Рудольфо. То есть такие вот по жизни случались творческие колебания.

И буквально через год работы в Пермском театре меня начали приглашать в Государственный академический Большой театр СССР, чтобы я «выручал» те или иные их спектакли. Первой стала партия Германа в опере Чайковского «Пиковая дама». В общем, так сложилось, что пришёлся ко двору и в Большом. Там посчастливилось поработать с выдающимися дирижёрами: Юрием Симоновым, Борисом Хайкиным, Фуатом Мансуровым, который постоянно вызывал меня на «Трубаду-»

Опера «Аида». Аида – М. Биешу, Радамес – А. Сибирцев

Опера «Война и мир». Пьер Безухов – А. Сибирцев. Пермский академический театр оперы и балета. 1983 г.

ра». Также периодически пел в Минском и Свердловском, Челябинском и Красноярском театрах, неоднократно – в Новосибирском оперном, который был самым мощным из всех периферийных театров. Во главе него тогда стояли два титана: главный дирижёр Исидор Аркадьевич Зак и выдающийся музыкант Эмиль Евгеньевич Пасынков. Последний впоследствии переехал к нам в Пермь, став там главным режиссёром оперного театра. Именно вместе с ним мы участвовали в постановке оперы «Война и мир». И как раз в составе тамошней постановочной команды за роль Пьера Безухова я был удостоен Государственной премии РСФСР в 1983 году.

У меня было множество блистательных партнёров по сцене. Назову лишь несколько имен. Ирина Архипова и Елена Образцова, с которой мы вместе пели в «Пиковой даме». Юрий Мазурок вместе со мной учился, а потом мы вообще стали друзьями по жизни. С ним многократно партнировали в операх «Трубадур», «Бал-Маскарад» и «Пиковая дама». В те годы я много мотался и по заграницам. На Мальте пел в «Трубадуре», в городе Перудже (Италия) пел Богдана Собинина в опере Глинки «Жизнь за царя». Гастроли в 10 странах мира и 30 городах России.

Но всё это были маленькие «подвижки», которые в итоге организм не прощает. Тогда я брал у него займы, а отдавать долги приходится сейчас. Увы...»

САМАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«В 1993 году я получил приглашение стать ведущим солистом и директором Самарского театра оперы и балета, – продолжает свой рассказ Маэстро Сибирцев. – Приглашение поступило от тогдашнего начальника управления культуры Самарской области Светланы Петровны Хумарьян. И надо признать, что театр я застал в весьма плачевном состоянии. Ведь строился он в 1936 году как «архитектурное прикрытие» Генерального штаба, которому предстояло разместиться в Куйбышеве, ставшем в годы войны резервной столицей Советского Союза. Но самое печальное, что строился этот объект культуры по весьма допотопным технологиям и вдобавок из некалёного кирпича. Поэтому к концу 80-х годов здание уже фактически выработало весь свой ресурс. Приехав, я даже назвал его «ледяным домом». Зимой люди были вынуждены сидеть на работе в тёплой одежде. Балерины танцевали, а возвращаясь со сцены, сразу впригивали в свои шубы.

Первое, что я сделал, заняв ответственный пост, – это назначил приказом Отдел главного энергетика, Отдел главного механика и т.д. Помогала прежняя заводская закваска. К тому же у меня был замечательный заместитель – бывший инженер по военной приёмке. Короче говоря, в кратчайший срок я собрал отличную команду профессионалов, с которой мы ринулись в бой. Конечно, в первую очередь, требовалось срочно утеплить театр. Начали с замены труб разрушенной отопительной системы. Заодно поменяли и окна. В итоге уже через два месяца в помещениях можно было комфортно сидеть в костюмах. Из-за постоянной угрозы возникновения пожара следовало срочно менять и электропроводку. Ну и так далее. Затем требовалось поменять планшет сцены. Заменяли музыкальные инструменты. Даже приобрели шикарный белый рояль. Построили большой просторный цельнометаллический гараж, куда поместился и новый автобус, приобретённый на Львовском автозаводе, и «КАМАЗ», полученный нами за два шефских спектакля в Набережных Челнах и две новенькие «Волги». А до той поры вся театральная автотехника стояла на открытом воздухе. В результате многое разворовывалось.

Как я только пришёл, то первым делом собрал бухгалтерию и все хозяйственные службы театра: «По поводу нашей финансово-экономической деятельности прошу иметь в виду следующее. Если мы ошибёмся, то нас поправят или пожурят. Но если будет хотя бы один случай хищения средств, то руки оторву вместе с головой!» Тут же назначил главным бухгалтером старшего экономиста, которая была прекрасным профессионалом. Весь штат бухгалтерии составлял у меня всего 6 человек. И эта команда блестяще справлялась. В то время департамент Хумарьян насчитывал всего-навсего 14 сотрудников. Теперь же в министерстве культуры Самарской области работает около семидесяти человек!

К сожалению, когда я возглавил театр, там работало немало недостаточно профессиональных сотрудников: у кого-то не хватало выучки, а кто-то просто уже выработался. Но непрофессионализм серьёзно разлагает коллектив, поэтому пришлось немножко почистить труппу. Ведь если бездельничает один, то рядом начинают отлынивать и другие. При мне штат театра достиг 550 сотрудников. Думаю, сейчас он составляет порядка 800 человек, ведь появилось много новых служб.

Распорядок дня у меня был жесточайший. Зимой в 8.00 я уже купался в проруби в районе Полевого спуска. У нас там даже образовался свой клуб любителей зимнего плавания под названием «Белый медведь». Туда приходили купаться и 70-летние старушки, и 15-летние девчонки, и профессура из ближайшего Политеха. В проруби ведь все равны! Изумительная атмосфера своеобразного братства, уважения и взаимной заботы. Освятить нашу купель на Рождество я просил отца Вениамина из Духовной семинарии. А однажды слышу, как маленький мальчишка кричит: «Не хочу, чтобы было лето! Хочу зимой купаться!» Вырывается из рук матери и вместе со всеми несётся к проруби...

Но независимо от времени года к 9.00 я уже был в кабинете, включал чайник и пил утренний кофе. Ну а затем начинался рабочий день. В первую очередь по селектору опрашивал все хозяйственные службы о готовности. После чего наступала пора творческого процесса. Время репетиций целиком и полностью зависело от графика главного дирижёра. В это я не вникал. Вмешивался лишь тогда, когда возникали вопросы принципиального характера. Например, кого-то надо было передвинуть по конкурсу со вторых скрипок в первые. То есть пересадить на другой пуль. Ну и так далее. Но в целом старался не мешать творческому процессу. Однако дисциплину и порядок отслеживал строго. Буквально вскоре после моего первого приезда в Самару шёл спектакль «Пиковая дама», где я пел Германа. Смотрию, что-то антракт аж на целых 40 минут затягивается. Выглядываю из-за кулис на сцену, а там пьяные монтировщики из угла в угол болтаются! А мне в качестве директора удалось в кратчайшие сроки добиться идеального порядка. Однажды даже пришлось объявить выговор за опоздание нашему главному дирижёру. Короче говоря, навёл полную дисциплину. Возможно, мои приемники пошли ещё дальше.

Вечерами я или сам выступал, или сидел в зале, отсматривая наши спектакли. Бывал на балетах, слушал оперы. Довольно часто вместе со Светланой Петровной Хумарьян ездили по Дворцам культуры Самарской области, куда наш театр вывозил своих солистов. Тогда это была обязательная практика. Вместе с Хумарьян начали проводить конкурс Шелест, причём Алла Яковлевна даже лично приходила. Естественно, идеологией фестиваля занималась сама Хумарьян, а на мне были все организационные вопросы.

Случалось, что успевал спеть по 13 спектаклей за месяц. При этом умудрялся петь и «на выезде». Например, пою свой спектакль в Самаре, а ночью сажусь в поезд и еду в Казань. На следующий день пою там. Или еду в Саратов. Причём с ними я сотрудничал целых 35 лет. Во время собственного отпуска порой по месяцу бывал у них на гастролях. А однажды ко мне обратились мои друзья из Министерства культуры России: «Саша, вот Большой театр почему-то отлынивает! А, может быть, ваш театр возьмётся за этот проект?» Так на самарской сцене была поставлена опера польского композитора Станислава Монюшко «Страшный двор». Мало того, что я всё это организовал, так ещё притащил в Самару целую звёздную команду из Польши. Режиссёра-постановщика, балетмейстера, художника и т.д. На эту премьеру прибыл польский посол собственной персоной, а я получил орден и удостоверение заслуженного деятеля искусств Республики Польша...

...Всегда и для себя, и для других исповедовал главное правило: «В театре нельзя просто работать! Театру можно только служить!» Вот я и не работал. Я служил! А главное, было чему служить! Было чем управлять и что организовывать. И сейчас, когда появляюсь в Самарском театре, то те артисты, которых я в своё время принимал в труппу, по-дружески бросаются ко мне обниматься. Видимо потому, что с людьми всегда обращался по-человечески. И когда ко мне обращаются с вопросом: «Как Вам удаётся сохранять такую форму?», отвечаю: «Да подлость не надо делать людям!».

Опера «Трубадур». Монрико – А. Сибирцев. Самарский академический театр оперы и балета

